

Ш. Курильски-Ожвэн

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В РОССИИ*

«Право – здесь, там, везде – часть особого способа видения реальности»

Клиффорд Гири

Роль закона в обществе

* Статья представляет собой сокращенное изложение доклада, сделанного на международной конференции «Традиционные и новые ценности: политика, социум, культура» (Москва, 19–20 мая 2000). Конференция состоялась при финансовой поддержке Фонда Форда.

Наша цель заключается в том, чтобы исследовать эволюцию российского отношения к закону и правам, посмотреть, что изменилось. Правовую социализацию мы понимаем как процесс постепенного – с детства до окончания отрочества – формирования представлений о законе и отношения к закону.

Закон – неотъемлемая часть культуры, «часть особого способа видения реальности». Изучение правовой социализации французских, русских или венгерских подростков позволяет узнать не только о правовых системах обществ, в которых живут эти подростки, но и об их культуре. Однако исследования правовой социализации или правового сознания – оба термина используются нами и нашими американскими коллегами – нацелены не только на изучение культур.

Фактически научные работы подобного рода – это попытка ответить на вопрос: каковы роль закона, место закона в отдельно взятом обществе. Здесь можно выделить несколько подходов.

а) С точки зрения правовой системы и политологам, и социологам вопрос кажется простым: являясь инструментом власти, закон воплощает в себе выбор, сделанный в рамках политической сферы. Он используется как инструмент в заданном поле (будь то семья, собственность, контракт или права и свободы, а также участие гражданина в политической жизни), как выбор государством норм, регулирующих социальные отношения. Тот факт, что законы принимает законодательная власть, схемы не меняет. Независимости правовой сферы от политической не существует.

Что же касается отношения личности к юридическим правилам, то здесь проблема сложнее. Поскольку цель закона – регулировать социальные отношения, возникает вопрос: каким образом закон эффективно выполнит эту задачу.

б) Реакция на эту проблему юристов, размышляющих в рамках догматического права и основывающих свою аргументацию на власти юридического правила, облекалась в форму правовой фикции: никто не может не знать закона, поскольку предполагается, что каждый должен ему подчиняться, а незнание закона не может служить оправданием его нарушения. Пользуясь подобными аргументами, юристы фактически

объединялись с политологами, поскольку рассматривали проблему с позиции власти: по мнению же специалистов в области истории права, законы, первоначально исходившие от вождя или доминирующей власти, а затем от представителей, избираемых народом, навязываются членам сообщества. Законам подчиняются из-за боязни наказания. Будучи прерогативой власти, наказание за нарушение правила или запрета исходит от государства. Любое юридическое правило подконтрольно государственным органам и рассматривается как императив (приказы, команды и запреты), оно обязательно для исполнения.

в) *Социологи права* отметили, что закон – и особенно гражданское право, регулирующее большую часть связей в каждодневной жизни, – включает в себя много необязательных или факультативных правил, в соответствии с которыми человек действует. Поскольку набор таких действий велик, уместнее говорить об исполнении или неиспользовании правил, а не о подчинении или неподчинении. Сила этих правил, похоже, в том, что они базируются на обычаях или традиции.

г) *И еще один подход – средство улаживания споров*: в англосаксонских странах, где следовали традициям общего права, аргументация сводилась к тому, что закон – это точно то, что делает судьи, и что заключается он главным образом в разрешении споров.

Итак. Страх перед наказаниями? Привычка? Потребность в разрешении споров? Гарантии стабильности повседневной жизни в том случае, если все действуют по одним и тем же правилам?

Исследования правовой социализации

Большинство этих аргументов оставалось на уровне научных гипотез в рамках различных дисциплин – до тех пор, пока в 1970-е годы не начались исследования *правовой социализации* личности. Американская школа, которой предстояло увлечь и советских исследователей в 1980-е годы, сосредоточила внимание на изучении обязательных юридических правил, поддерживающих социальный порядок. Исследователи подчеркивали важность правовой социализации в детстве и отрочестве для будущего личности и самого общества. Процессу социализации была задана социальная цель: научиться подчинению правилам и нормам, позволяющим выжить обществу. Подчинение – «успешная социализация», отклонение – «неудачная».

Сравнивая правовую социализацию юношества во Франции, Польше, России и Венгрии, мы выдвинули другую концепцию. Таких категорий, как «успешная социализация» или «неудачная социализация», для нас не существовало, поскольку мы изучали *процессы*, а не социальную цель, которую они преследовали. По нашему мнению, виды социализации зависят от различий не только в культурах, обществах, возрасте, но и в группах, к которым принадлежит личность¹.

Наша главная цель – реконструировать, каким образом в детстве и юношестве формируется образ окружающего мира, в котором закон как элемент культуры общества составляет неотъемлемую часть.

¹ На эту тему см. также: Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М., Здравомыслова О. *Образы права в России и во Франции*. М., 1996.

Система представлений о мире зависит от кода его интерпретации и включает все уровни, начиная с наиболее общих установок, свойственных группам, к которым принадлежит социализируемая личность (первоначально это семья, затем группа равных, школа и т.п.). Эти знания, в свою очередь, зависят от господствующих в обществе представлений, передаваемых, к примеру, средствами массовой информации. Понимание реальности, свойственное только данной социализируемой личности, возникает в результате ее умения улаживать конфликты, устанавливать связи между различными типами представлений о мире – умения как результата собственного опыта.

Правовая социализация в России

Исследование, проведенное в Москве в 1993 г. среди российских подростков из нескольких возрастных (11–12, 13–14 и 16–18 лет) и различных социальных групп, позволило обозначить, по крайней мере *на конкретный период*, некоторые преобладающие характеристики российской правовой культуры. Эти характеристики, как мы и ожидали, многозначны и отчасти противоречат мнению ряда российских ученых о том, что в данной культуре невозможно вычленить правовое сознание, поскольку оно значительно слабее морального и, более того, носит репрессивный характер. Если бы мы анализировали только представления российских подростков о законе, справедливости, вине и наказании, то еще могли бы согласиться с этим выводом. Однако это означало бы низведение правовой социализации до «обучения подчиняться закону». Рассмотрим преобладающие правовые представления.

1. Понятие *закон и справедливость (судья)* во всех культурах в первую очередь касаются уголовного права и юстиции (уголовный аспект проще и социально заметнее), но российские подростки подчеркивают эту связь необычайно сильно. Поражаешься контрасту между выражением французских подростков: «следовать закону», будто речь идет о следовании простым нормам, облегчающим социальную жизнь, и фразой, употребляемой русскими: «не нарушать закон», имея в виду строго обязательный закон (приказывающий или формулирующий запреты). Во Франции представления об обязательном характере закона с возрастом ослабевают, в ответах все чаще упоминаются гражданское право и права, предоставляемые по закону. В России не так. Закон действительно сохраняет свой обязательный характер даже для 18-летних, однако, кажется, главное в этой императивности то, что закон заставляет уважать обязательства, связанные с гражданскими вопросами (например, выплата алиментов детям в случае развода).

2. *Различие между законом и правом* в России значительно глубже, чем во Франции. Французские подростки, использующие многозначность слова *droit* (право), увязывают его не только с субъективными правами (особенно правами и свободами), но и с объективным законом (своды законов, регулирующих социальную жизнь) и правом как академической специализацией при подготовке юристов. В России, несмотря

на то, что многозначность русского слова «право» совершенно такая же, как и французского, это слово ассоциируется с получением разрешения на действия и с правами личности, которые высоко оцениваются подростками (они чаще, чем их французские одногодки, говорят о «правах человека», «правах и свободах», «обладании правами», «использовании своих прав»). Однако ни закон, ни право (из-за его исключительного значения субъективного права) не рассматриваются российскими подростками как правила социальной игры, как социальные инструменты, облегчающие жизнь в обществе.

3. Основную роль в системе русских правовых представлений играют две концепции – *вина и наказание*. Вина почти всегда трактуется как вина перед другим, она предполагает сожаление или раскаяние; наказание рассматривается (с возрастом все большим числом подростков) как оправданное и полезное (семья и наказание – слова, получившие максимум позитивных оценок среди 16–18-летних). Здесь контраст с представлениями французских подростков огромен: слово *вина* трактуется ими как специально предназначенное для того, чтобы дать им почувствовать виновность, а в основе его лежит социальное лицемерие (для них лучше говорить о совершении глупости или ошибки); вина не приводит к раскаянию, поскольку осознается лишь в связи с нарушением правил, а не в связи с обидой, нанесенной человеку. В конце концов, наказание оценивается французскими подростками как бесполезное и даже проигрышное дело, как психологическая ошибка.

4. Тем не менее, если российские представления о *вине* свойственны большинству, то представления о *свободе* настолько индивидуальны, что существуют вне каких-либо социальных или правовых рамок и прямо противоположны французским, где свобода или свободы понимаются в связи как с другими индивидами, так и с государством. Ценность свободы чаще всего увязывается с концепцией гражданина, тогда как в России с освобождением, например, от брачных уз.

5. Эти различия, возможно, объясняются представлениями о *власти*. Власть в России – нечто близкое к всемогуществу, она не ограничена ни юридически, ни политически. Власть в собственных интересах может перекраивать законы. И реагируя на эту безграничную власть, индивиды претендуют на безграничную свободу. Во Франции, наоборот, власть как исключительно политический феномен интегрирована в рамки институтов и законов. И общественные свободы соотносятся именно с этим институционализированным типом власти.

6. *Доверие к государству* в России слабее, чем во Франции. Русские видят за фасадом государства власть, стремящуюся поднять под себя законы. Во Франции государство значительно в большей степени институт, включающий в себя политическую организацию и политических чиновников.

7. Концепция *ответственности*. В России один человек несет ответственность перед другим – перед тем, у кого есть власть. Во

Франции опять наоборот – индивид чувствует ответственность за себя, подросток стремится стать ответственным, поскольку это повышает его значимость в глазах других.

В ходе исследований выявилось несколько общих признаков правовой социализации молодежи в России.

Во-первых, контраст между исключительно сильной позицией власти и слабой позицией гражданина выражен:

1) в чувстве «раздавленности» и одновременно восхищения всемогуществом власти, не подчиняющейся закону, а, напротив, использующей его в собственных интересах;

2) в исключительно авторитарной концепции закона; возможно, это является следствием того, что на протяжении десятилетий при решении социальных проблем использовались репрессивные меры;

3) в принижении роли граждан, ощутивших себя слишком слабыми для того, чтобы бороться за равенство; они надеялись на обязательные для всех законы, достаточно, по их мнению, могущественные, чтобы закрепить равенство.

Во-вторых, выявились три «высвобождающие» реакции:

а) спонтанное требование абсолютной, неограниченной свободы, помогающей забыть тяготы исполненной зависимостей повседневной жизни (в русских ответах отмечено сходство ассоциации по поводу «обязанности» и «ответственности»). Требование свободы выражается российскими подростками осторожно, скорее аполитично, чем деполитизировано, главным образом в противостоянии семье и семейной власти. Даже если в семье отсутствуют конфликты, «достижение совершеннолетия» тем не менее ассоциируется с долгожданным прекращением родительского контроля, а «развод» становится основным символом свободы для 18-летних, хотя право на брак в большинстве случаев связывается с вступлением в совершеннолетие. Контраст с ответами французов разителен – у них свобода, как правило, ассоциируется с концепцией «гражданина», а «совершеннолетие» – с правом голоса.

б) другая реакция продиктована «самозащитой» от государства: оказалось, что ответственность – это ценность, которая исключительно редко ассоциируется как с концепцией государства, так и с концепцией гражданина. И действительно, почему гражданин должен чувствовать себя ответственным, сталкиваясь с безответственностью государства?

в) третья реакция, особенно активная, касается концепции прав: с одной стороны, пользоваться правами, права человека – эти понятия имеют исключительное значение в русских ответах, с другой – большинство связывает право с обладанием собственностью.

Индивидуальные представления о праве в России противоречивы.

1. Закон воспринимается как абсолютно зависимый от политической власти, не признающей ни англосаксонского прецедентного права, ни континентального главенства закона, а напротив, законом

**Вновь
о роли закона
в обществе**

манипулирующей. Одновременно это представление не совпадает с образом закона как свода приказов, исходящих от харизматического вождя, которому общество доверяет. Власть в российских ответах – это организация, которая присваивает себе все возможные привилегии и не подлежит никакому контролю.

2. Закон, с одной стороны, прежде всего трактуется как закон уголовный, что побуждает держаться от него подальше – люди не хотят рисковать, нарушая его, он касается только «правонарушителей». В данном случае закон играет роль частичного социального регулятора. С другой стороны, воспринимая закон как образ репрессивной или абсолютной власти, люди вправе требовать уважения прав (например, права собственности) и выполнения обязанностей (например, выплаты алиментов).

3. Лишь в небольшой части ответов говорится об участии граждан России в социальной и политической жизни, люди имеют обязанности, а свободы мало что значат. Что касается понятий равенство и солидарность, то они, похоже, обесценены, поскольку эксплуатировались официальными властями и идеологией в советский период.

4. Зато чрезвычайно сильна солидарность на семейном уровне, где, однако, теплота отношений сочетается с возможностью беспрепятственно вмешиваться в жизнь друг друга. Попытки независимости демонстрируются лишь *a contrario*, поскольку идеал семьи является табу, – он не может быть разрушен, несмотря ни на что.

5. Неожиданным оказалось чрезвычайное значение, придаваемое респондентами субъективным правам. Французские ответы упоминают неотъемлемые права личности, а российские – права, данные человеку законом. То есть, согласно российским представлениям, закон создает права, по аналогии с новой российской Конституцией и Гражданским кодексом, где центральное значение имеет право собственности.

6. И, наконец, черта, которая сближает российскую и французскую модели представлений о законе: речь идет о важности договора в социальной жизни – договора между людьми и предприятиями, существующего в виде печатного и подписанного текста, который сразу после соблюдения этих требований становится «законом для сторон» (чаще это подчеркивают французские респонденты).

**Асимметричная
модель
правовой
социализации**

Если мы попытаемся дать общую характеристику правовой социализации в России, нас прежде всего поразит асимметричность картины: с одной стороны, элементарные представления о безграничной власти и авторитарном и нестабильном законе (в теории это соответствует первому этапу детских представлений о власти взрослых, которая рассматривается как абсолютная и деспотическая), с другой стороны, более сложные установки – субъективные права, собственность, контракт. Другими словами, правовая социализация остается

на элементарном уровне только в сфере представлений о власти. В горизонтальной сфере – в сфере отношений между индивидами – представления схожи с теми, которые наблюдаются в других культурах. Похоже, гражданское общество в России должно развиваться в направлении формирования горизонтальных связей.

Эта доминирующая характеристика правового сознания проявилась и в результатах международного исследования, проведенного на основе репрезентативных выборок взрослого населения в США, Западной (Франция, Испания) и Восточной (Болгария, Венгрия, Польша, Россия) Европе (1995–1996). Данные опроса показали, что российская модель совпала с моделью правового сознания других выборок населения, опрошенного в Европе (американская модель правового сознания отличалась от нее). Так, для всех европейских выборок среди прав и свобод, предложенных опрашиваемым, три оказались важнейшими: право на труд, равенство перед законом и право на незагрязненную окружающую среду. Совпали и реакции на предположение, что «избежание наказания должно быть сильным аргументом в пользу подчинения закону».

Правовая социализация имеет две стадии. На первой, которую мы называем сознательной или явной правовой социализацией, индивид знает, что речь идет о законе или справедливости применительно к наиболее видимым социальным объектам правовой системы. Иными словами, индивид верит в то, что говорят и показывают правительство и/или средства массовой информации, – известно, что во всех культурах им свойственно подчеркивать ценность безопасности и репрессивность в отношении любой формы правонарушений, поскольку это легко убеждает. Еще одна стадия, которую мы называем бессознательной или неявной правовой социализацией, – это отказ индивида считать относящимися к закону нормы, регулирующие его повседневную деятельность, поскольку они в большей или меньшей степени рождены традициями и привычками. Необходимо исследовать эти привычки и обычаи, регулирующие повседневную деятельность людей и формирующие их представления о праве.